

А.В. Кубасов

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭПИДЕМИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОЧЕРКЕ Ф.М. РЕШЕТНИКОВА «ХОЛЕРА»

Аннотация. Статья посвящена монографическому анализу очерка Ф.М. Решетникова «Холера» (1866), в котором отражены народные представления об эпидемии. Показано, как меняется отношение народа к опасной болезни с течением времени. Актуальность статьи связана с возможностью проекции событий далекого прошлого на современные реалии, связанные с коронавирусной эпидемией. Раскрывается жанровое своеобразие очерка, обусловленное сочетанием особенностей эпоса и драмы. Синтез родовых начал отражает подзаголовок очерка – «современные сцены». Отмечена документальная точность автора, что позволяет сравнивать его произведения со старыми фотографиями. Констатируется типологическая близость творчества Решетникова с творчеством русских писателей XX века.

Ключевые слова: Решетников Ф.М., очерк «Холера», народные представления, жанр, документальность.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Кубасов А.В. Народные представления об эпидемии и их отражение в очерке Ф.М. Решетникова «Холера» // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 2 (14). С. 62–70. DOI 10.26105/PBSSPU.2023.14.2.003

A.V. Kubasov

FOLK NOTIONS ON THE EPIDEMIC AND THEIR REFLECTION IN THE ESSAY "CHOLERA" BY F.M. RESHETNIKOV

Abstract. The article is devoted to a monographic analysis of F. M. Reshetnikov's essay "Cholera" (1866). The essay reflects folk notions on the epidemic. The author reveals how people's attitude to a dangerous disease changes over time. The relevance of the article is related to the possibility of projecting the events of the distant past onto modern realities associated with the coronavirus epidemic. The genre originality of the essay that is due to the combination of epic and drama features is revealed. The synthesis of generic principles reflects the subtitle of the essay – "modern scenes". The author's documentary accuracy is noted, which makes it possible to compare his literary works with old photographs. The typological closeness of Reshetnikov's work with the work of the Russian writers of the 20th century is stated.

Key words: Reshetnikov F.M., essay "Cholera", folk performances, genre, documentary.

Acknowledgement. The work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, IRLI RAS.

For citation: Kubasov, A.V. (2023). Folk notions on the epidemic and their reflection in the essay by F.M. Reshetnikov "Cholera". *Word. Text. Context*, 2 (14), 62–70. DOI 10.26105/PBSSPU.2023.14.2.003 (in Russian)

Введение

Самой известной в литературе эпидемией холеры следует признать ту, что случилась в России в 1830–1831 годах. Болдинская осень Пушкина напрямую связана с нею. 26 июля 1831 года поэт записал в своем дневнике: «Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляют деревни, учреждаются карантинны. Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению. Мятежи вспыхивают то здесь, то там» [8, с. 284]. Современные исследователи отмечают: «Всего в России в 1831 г., по весьма неполным данным, заболели холерой 466 457 и умерли 197 069 человек» [1, с. 287]. В процентном соотношении с общим народонаселением страны в том и в другом случае это были очень большие числа.

Холера периодически навещала Россию, её эпидемический характер принимал разные размеры и масштабы. Если в 1830–1832 годах она повлекла за собой холерные бунты, то к 60-ым годам позапрошлого века к опасной болезни население в массе своей по привычке и относилось к ней намного спокойнее [3]. Именно такой характер отражен в очерке Ф.М. Решетникова «Холера». Под заглавием «Современные сцены» он был впервые опубликован в 30 и 31 номерах журнала «Искра» в 1866 году. Рукопись рассказа не сохранилась [10, с. 485].

В двухтомном издании сочинений Решетникова, вышедшем в 1904 году под редакцией А.М. Скабичевского, первоначальное название очерка стало подзаголовком [9, с. 494]. Оно определяет характер повествования и принципы художественного изображения в очерке. Традиционно *жанр сцен* связан с драматургией. Безусловным мастером этого жанра признается А.Н. Островский [15]. Будучи транспонированы на почву эпического повествования, сцены естественно сохраняют свою генетическую и жанрово-типологическую связь с драмой. Ведущую роль в обоих случаях играют диалоги разных персонажей. Первое слово в подзаголовке очерка Решетникова – «*современные сцены*» – не менее значимо, чем жанровая номинация. Можно сказать, что Решетников, вооружившись своеобразным словесным фотоаппаратом, создает дагерротипные снимки определенной социальной среды, переводя симультанные изображения в сукцессивное повествование. В исторически точной «дагерротипности» заключается ценность очерков Решетникова, но в этом же проявляется и их недостаток. Сниженный уровень творческой фантазии декларировал сам писатель, видевший свою задачу в точной передаче действительности без какого-либо приукрашивания её.

Кроме «дагерротипности», большую роль для понимания своеобразия творчества писателя имеет его самоидентификация. Решетников был плоть от плоти народной массы и выражал её ценностную ориентацию в своем творчестве, так что Николай Шелгунов имел все основания отнести произведения уральского писателя к направлению «народного реализма» [16]. И. А. Дергачёв определял характер его творчества как «прагматический реализм» [4, с. 29–30]. В обоих определениях сохраняется ключевое слово – *реализм*, меняется лишь ракурс его видения, обусловленный точкой зрения исследователя. Б.М. Гаспаров в аналитической форме передает суть художественной манеры Решетникова. По мнению ученого, автора «Подлиповцев» отличает «прозаический квазидокумен-

тальный дискурс, лишенный какого-либо “фикционального” приукрашивания, и нарратив, фрагментарный и избыточный одновременно, неопределенность сюжета и причинно-следственных связей» [2, с. 179–180].

Серьезным вкладом в изучение творчества писателя стал недавний выход фундаментального двухтомного коллективного труда, посвященного литературной истории Урала XIX века, один из разделов которого отдан анализу творчества Решетникова [11, с. 486–921].

Цель настоящей статьи – монографический анализ очерка и представленных в нём народных представлений об эпидемии, что особенно актуально в свете современных событий, связанных с коронавирусной пандемией.

Методология исследования базируется на принципах монографического имманентного анализа, которому очерковые произведения Решетникова до последнего времени редко подвергались, что можно объяснить кажущимся мелкотемьем их, слабой разработанностью сюжета, ординарностью героев. Однако при более пристальном внимании к каждому отдельному произведению, открывается их оригинальность, острота взгляда писателя, отсутствие в них банальностей и штампов, заимствованных из литературы. Во многом это объясняется стихийным природным талантом писателя.

Результаты и обсуждение результатов исследования

Обратимся непосредственно к тексту очерка и посмотрим, как в нём отразились народные представления об опасной болезни. «Холера» Решетникова разбита на небольшие главки, которые имеют свои заголовки. Первая называется «В будни». Начинается она с определения места событий. Это Петербург, но не парадный, не Петербург Невского и Английской набережной, а столица доходных домов, населенная простым людом. Повествователь сразу же ограничивает себя одним домом: «На углу ...ской улицы стоит каменный трехэтажный с подвалами дом. Так как он стоит на углу и выходит на две улицы, то в нем двое ворот, выходящих на две улицы. С виду он имеет желтый вид и разнообразится окнами, т.е. разными занавесками в окнах, разными вывесками над окнами нижнего этажа и особенно длиною вывескою “Гостиница Столица” – и разукрашенными разными заманчивыми картинками на половинках дверей. Вывески, кроме гостиницы, гласят, что *в доме живут: булочник, портной, сапожник, часовой мастер, колбасная, есть две овощные, два кабачка в подвалах* (здесь и далее курсив наш. – А.К.)» [10, с. 366]. Кроме места действия, в первых фразах очерка определен социально-профессиональный состав его участников. Это ремесленники и мелкие торговцы. Заканчивается первый повествовательный фрагмент выводом о типичности и даже обычности данного дома, представляющего собой метонимию всей пролетарской части столицы: «Дом как дом, приклеившийся к другим домам, так что можно новичку в Питере и пройти, не заметив его» [10, с. 366]. Показательна форма номинации города: он назван не Петербургом, а Питером, что отражает простонародный характер как повествователя, так и описываемых им жителей. Ментальная, социальная и пространственно-временная их близость – важная особенность произведения, во многом обуславливающая точность и глубину изображения народной жизни.

Определив место действия, повествователь фиксирует время начала событий. «Но так как теперь десятый час утра, то можно сказать, что в этом доме, как и в других, жизнь уже давно началась: в открытые двери овощных лавок и кабаков то и дело снуют люди: в первые – женщины, бедно одетые, в последние – мужчины, бедно одетые; двери в гостиницу отпираются тоже часто. Одно только странно, если припомнить прошлое время, ну хоть май месяц этого года: в кабаках не стукнет, не крикнет; нет пляски, песен, а в самом доме все окна закрыты, даже много окон совсем закрыто занавесками. Мало этого, не только в других местах, даже в гостинице народ сидит поодаль. И этого мало – из лавок идут торопливо, озираясь; по улице идут тоже скоро, с какою-то боязнью, точно хотят сказать: господи, спаси помилуй!..» [10, с. 366]. Столичная жизнь явно вышла из своей привычной колеи, но до поры до времени автор держит читателей в напряжении, не раскрывая причины отступления людей от заведенного порядка вещей.

Далее повествователь фокусирует своё внимание уже на конкретных лицах. Появляется излюбленная Решетниковым форма сценки, представляющая собой обмен репликами между героями: «Но вот выходит из ворот женщина с узелком.

– Куда те? – спрашивает её дворник и загораживает ей дорогу метлой.

– Известно, в баню.

– Дура! холера!!!

– Што мне холера!.. Сам ты холера, чумазой чёрт!

– В бани ходить не велено, баба, потому, значит, вода, – продолжает дворник тоном учёного.

– Ты рассказывай кому другому, а мне тут с вами тарантить есть время-то? – И баба идет в баню. Но, немного погодя, ворочается.

– Ну, што воротилась? – спрашивает ее дворник.

– Отстань!.. Мыло забыла.

Входит она в овощную лавку. Хозяин с подручным отпускают двум кухаркам по книжкам.

– Куда ты, Марья Алексеевна? – спрашивает вошедшую женщину подручный.

– Да вот, Николай Степаныч, пошла я в маскарад, а дворник страцат.

– Што ты??

– Холера, говорит, уж по баням ходит» [10, с. 367].

Мастерство Решетникова-рассказчика, умеющего передавать голоса разных героев, видно уже в первом диалоге. Каждый из трех действующих лиц сценки говорит по-своему. Дворник – это самое последнее звено в длинной властной цепочке. Он на низовом уровне транслирует распоряжение начальства о запрете посещения бань. У дворника есть общее представление об источнике холеры, который связан с водой. Обратим внимание на то, как обзывает дворника некая Марья Алексеевна. Она использует слово «холера» как ругательство. Это словоупотребление распространено в народной массе в большей степени, чем медицинское, терминологическое значение слова. И это понятно: ругаются всегда, а эпидемии временны. Кроме того, сценка дает представление о первич-

ной реакции простолюдинов на эпидемию. Это *недоверие*, поскольку собственный опыт пока ещё не подтверждает возникшей опасности. В целом такое отношение переживёт XIX век и в полной мере отразится уже в современное время [12].

Решетников весьма последователен в описании действия болезни и реакции на неё людей. Поэтому за первичным недоверием следует другая реакция, которая связана с *распространением слухов* о заболевших. Место античной агоры выполняют мелкие лавчонки, куда стекается информация о заболевших.

Слухи, потому и слухи, что в них реальность смешивается с фантазией и выдумкой. Лишь в конце века появятся научно обоснованные указания на средства предупреждения болезни: «Абсолютно запрещено во время эпидемии употребление сырой воды и сырого молока, а также невареных и особенно неочищенных овощей и фруктов» [5, с. 56]. Решетников фиксирует ошибочное средство профилактики от холеры в Петербурге, им признано сокращение мясной пищи. Две кухарки, пришедшие в лавчонку за провизией, приносят вести о холере, интерпретируя их по-своему. Одна из них говорит: «Теперь молодой жилец, што ещё третьеводни к вам за гильзами ходил, славный такой... так он и спрашивает это хозяйку: за што ему убыль такая в пищах вышла... Да и говорит: я ведь-де не кошка!.. Ах, говорит хозяйка (качает головой): и рада бы я вам, голубчик, сослужить, да бумага такая у меня есь. Холера теперь. А как да вы, спаси Бог, захвораете? Кто Богу ответ даст? Да так пошла костить его, он и присмирел... Ну, что бы ты думал: *парня холера схватила...*» [10, с. 367].

Жанр сцен проявляется во введении ремарки, сопровождающей речь эпизодической героини. Обратим внимание на последнюю фразу, завершающую речь кухарки. В ней холера персонифицирована, представлена как некое существо по аналогии со смертью, которую в искусстве часто изображают как старуху с косой. Современный исследователь народной культуры пишет: «В языковой картине мира носителей диалекта болезнь персонифицирована, подобна живому существу, которое агрессивно и воздействует на человека напрямую, без вмешательства третьего лица. Однако, по народным представлениям, появление болезни может быть и изъятием злой воли другого человека – колдуна. Возможность насылания болезни составляет особый культурный пласт в народном мировосприятии» [6, с. 21]. Последнее замечание исследователя о «насылании болезни» находит подтверждение в тексте очерка. Со слов кухарки, хозяйка считает, что «молодой жилец» заболел, потому что поел капусты, отравленной лавочником. На что незамедлительно следует реакция «отравителя»: «Што она врёт-то?... Я хоть целую кадку раздам даром, если моя капуста в заразе. Капуста не свинина, да и в свинине моей сами доктора нашли самое первое достоинство. Она пусть и не берёт, не-то: от одной её не обедняя» [10, с. 367].

Власть пытается бороться с инфекцией доступными ей средствами: с помощью объявлений и имеющихся средств дезинфекции: «Двор узкий, грязный, но заметно, что полит сегодня утром *ждановской жидкостью*. Но всё-таки от стен несётся зловоние» [10, с. 368]. «Ждановская жид-

кость» была изобретена в сороковые годы позапрошлого века инженером-технологом Н. И. Ждановым как средство борьбы со зловонием¹. Через полвека она будет экспериментально проверена на эффективность в качестве антибактериального средства. Эксперимент покажет достаточно слабое её воздействие на болезнетворных бактерий.

Вторая глава очерка называется «Воскресенье» и в свою очередь ещё разбита на фрагменты. Первый фрагмент «Утро», он начинается с диалога, оформленного по правилам драматургии: «У ворот того же дома стоят рабочие. Кто в рубахах, кто в зипунах, кто в поддевках.

Молодой парень в красной ситцевой рубахе (*обращаясь налево к четырем подмастерьям*). Надо бы Илюху-то проведать?

Голоса. Надо! надо! Все мы под Богом ходим!

Мужчина в поддевке. Слава Христу! Помене, говорят, помират.

Мужчина в халате. Знал, не пошел бы ноне на заработки.

Голос в другой кучке. А я слышал: баб да приказных больше хворат, потому нутро у них иное.

Другой голос. Што ни говори, а скверно... Вот бы выпить, а кабаки заперты!

Третий голос. Уж ты не одново разу сидел в фартале: как в кабак, так и выводят на дорогу. Это все оттого началось, слышно, што холера. А мне сказывали совсем кабаки уничтожить хотят...

Голоса. Этого не будет!» [10, с. 370].

Мы уже отмечали, что в творчестве Решетникова значимую роль играет «общее мнение» (*common opinion*) [7, с. 35–46]. Передаётся оно с помощью хора голосов, при этом говорящие обычно лишены индивидуально-личностных характеристик. Показательно, что в очерке нет персонифицированного главного героя. С известной условностью им могут быть признаны все жильцы петербургского дома. Повествователь или рассказчик занимают позицию не извне, а в рамках этого хора, являются как бы частью его. Мужской хор констатирует ситуацию с эпидемией, видимо, по прошествии какого-то времени по сравнению с предыдущей главкой. Холера прогрессирует и уже признается большинством населения как реальная угроза жизни. Народные чаяния всегда связаны с быстрым завершением опасности, но опять-таки опираются желания и мечты не на реальные факты, а на слухи («помене, *говорят*, помират»). Узнает читатель из диалога и о новых предпринятых ограничительных мерах – о запрете кабаков как места массового посещения. Показательно, что угроза закрытия питейных заведений оценивается мужиками как не меньшая опасность, чем холера.

Вторая подглавка в рамках «Воскресенья» переносит читателя с подбоя народной площади в помещение – «У часового мастера». Это микродиалог мастера с лудильщиком, который принёс в залог часы, бывшие во времена Решетникова не только редкостью, но и богатством. Часы остались от умиршего от холеры товарища, который завещал их за помин своей души. Часовой мастер выторговывает у клиента часы за десять рублей, хотя сам оценивает их в сорок. Так что холера – для кого-то беда, а для кого-то

¹ В романе Достоевского «Идиот» Парфён Рогожин, убив Настасью Филипповну, ставит около неё четыре банки с ждановской жидкостью, чтобы заглушить трупный запах.

возможность разбогатеть. В этом же эпизоде впервые возникает цифра умерших. Лудильщик, со ссылкой на газеты, говорит, что вместе с его товарищем «в тот день тридцать семь померло...» [10, с. 371].

Следующая главка отмечает время действия – «Во втором часу». Место действия – кабак: «Из кабаков слышатся песни. Половина рабочих подгуляла, половина сидит вокруг грамотея, который держит “Сын Отечества”».

1-й рабочий. Ты читай о холере, козушку поставим.

2-й рабочий. То само место читай, где сказано: как её зачало, как её опасаться должно.

1-й рабочий. Не то: по всему свету она ходит, али как?.. Ведь тоже – у меня, у него семьи... Мы здесь, а они как...

Грамотей. Про это дохтуров, чать, надо спросить.

3-й рабочий. А тут не показано?

Грамотей. Не!!

1-й рабочий. Наплевать!.. Уж я не хотел было пить, да, видно, надо. Хватим? (*Товарищам.*) Бросай ее! (*Газету бросают под стол.*)

Подходят к стойке и берут две козушки. Выпивши, закусывают сухарями и свежепросольным огурцом» [10, с. 371–372].

Самое распространенное народное средство профилактики болезни как было, так и остаётся прежним – алкоголь. Рабочие, по сравнению с другими обитателями дома, пытаются найти более достоверную информацию из официальных источников, а не питаться лишь слухами. Однако и газета не даёт им тех сведений, которые обладали бы необходимой прагматикой и возможностью применения советов в жизни. Ирония автора проявляется в том, что газета для «сынов Отечества» остаётся далекой от их нужд и забот. Недаром дело заканчивается тем, что посетители кабака бросают газету под стол и принимаются за понятные им превентивные меры – «берут две козушки»².

Последняя литературная «фотография» в очерке – «В квартире портного», где ведут разговор хозяин и его подмастерья. Она не вносит в намеченную проблему нового поворота или аспекта. По существу, это еще одна вариация того, что было уже описано ранее. Очерк композиционно строится как монтаж цепочки эпизодов, которую можно в любой момент прервать, что и делает автор. Событийная сторона остается незавершенной.

Финал очерка выделен средствами графики: «С семи часов еще крепче закутил русский народ и забыл совсем о холере. Пошатывает пьяных по улицам, шатаются пьяные в Александровском парке; а в десять часов, когда возвращается домой с гуляний полупьяная и пьяная состоятельная публика, уже спит *русский рабочий народ*, только кое-где в кабаках и на улицах по Обводному каналу и на Петербургской стороне, идет ругань их собратий из-за чего-нибудь. А завтра? Завтра – что будет, то Бог даст... *Его Божья воля!*» [10, с. 373]. Автор и близкий ему по кругозору и ценностной ориентации повествователь завершают свой рассказ выводом, в котором открыто звучит фатализм. Констатируется бессилие «русского рабочего народа» победить холерную эпидемию, а также изменить сложившийся порядок вещей. Остается немного – принять то, посылается свыше.

² Козушка равна примерно 0,3 литра.

Выводы

Решетникова следует признать автором, далеко выходящим за рамки региональной литературы. Объясняется это не только переездом писателя в Петербург и публикацией его произведений в столичных журналах, но и самим масштабом его стихийного дарования, умением видеть и отражать правду народной низовой жизни в масштабах всей страны. То, что раньше казалось проявлением дилетантизма писателя, шероховатостью его стиля, что передает такой неоднозначный термин, как «плохопись», в современной литературе воспринимается как новаторство [13, с. 324–345; 14, с. 219–229]. «Квазидокументальный дискурс» Решетникова, отмеченный Б.М. Гаспаровым, получает развитие в современной литературе, в частности, в произведениях уральских авторов, в силу того, что «плохопись» в определенной мере стала трендом, писать «гладко» стало немодно. Новую трактовку получила и монтажность повествования, столь характерная для автора «Холеры». Наконец, события совсем недавнего времени, связанные с коронавирусной эпидемией, подтвердили насколько, изменяясь и эволюционируя, жизнь «русского рабочего народа» остается в своих основаниях неизменной. Сделать этот вывод позволяет по своему замечательный очерк Федора Михайловича Решетникова.

Литература

1. Вискочков Л.В., Шелаева А.А. Холерная эпидемия 1830-1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // *Studia Historica Gedanensia*. 2021. Т. XII. С. 259–288.
2. Гаспаров Б.М. Платонов и Решетников // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 176–192. DOI 10.15826/qg.2014.2.049
3. Гессен С.Я. Холерные бунты (1830-1832 гг.). М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. 64 с.
4. Дергачёв И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск: СО РАН, 2005. 283 с.
5. Коварский Г.О. Как защитит себя от заразных болезней? СПб.: Тип. Т-ва Народная польза, 1901. 87 с.
6. Ковригина Е.А. Народные представления о насланных болезнях (на материале архангельских говоров) // *Litera*. 2022. № 3. С. 21–29. DOI 10.25136/2409-8698.2022.3.37581
7. Кубасов А.В. Художественно-документальная очерковая проза Ф. М. Решетникова. Монография. Екатеринбург: Ridero, 2017. 113 с.
8. Пушкин А.С. О холере // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники / Под общ. ред.: Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: ГИХЛ, 1962. С. 283–284.
9. Решетников Ф.М. Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. СПб.: Издание книжного магазина П.В. Луковникова, 1904. 1056 с.
10. Решетников Ф.М. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Свердловск: Свердловское книжное изд-во, 1937. 491 с.
11. Решетников Ф.М. // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. Кн. 1. С. 846–921.
12. Романович Н.А. Отношение воронежцев к коронавирусу и средствам его профилактики // *Экономические и социальные проблемы России*. 2021. № 2 (46). С. 74-84. DOI 10.31249/espr/2021.02.04

13. Созина Е.К. О «плохописи» в литературе (на материале творчества Ф. Решетникова) // Феномен творческой неудачи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 324–345.
14. Созина Е.К. Актуальность Решетникова: стиль писателя в современной литературе Урала // Филологический класс. 2021. № 4. С. 219–229. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-19
15. Чайкина Т.В. Жанр картин и сцен в творчестве А.Н. Островского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 21 с.
16. Шелгунов Н. Народный реализм в литературе // Дело. 1871. № 5. С. 1–45.

References

1. Vyskochkov, L.V., Shelaeva, A.A. (2021). Cholera epidemic 1830-1831 in the Russian Empire according to memoirs and letters, newspaper notes, texts of administrative decrees and other personal and official sources. *Studia Historica Gedanensia*, vol. XII, 259–288. (in Russian)
2. Gasparov, B.M. (2014). Platonov and Reshetnikov. *Quaestio Rossica*, 2, 176–192. DOI 10.15826/qr.2014.2.049 (in Russian)
3. Gessen, S.Ya. (1932). *Cholera riots (1830–1832)*. Moscow. 64 p. (in Russian)
4. Dergachev, I.A. (2005). *D.N. Mamin-Sibiryak in the Literary Process of the 1870s–1890s*. Novosibirsk. 283 p. (in Russian)
5. Kovarsky, G.O. (1901). How to protect yourself from contagious diseases? St. Petersburg. 87 p. (In Russian)
6. Kovrigina, E.A. (2022). Folk ideas about sent diseases (on the material of the Arkhangelsk dialects). *Litera*, 3, 21–29. DOI 10.25136/2409-8698.2022.3.37581 (in Russian)
7. Kubasov, A.V. (2017). *Fiction-documentary essay prose by F. M. Reshetnikov*. Monograph. Ekaterinburg. 113 p. (in Russian)
8. Pushkin, A.S. (1962). About cholera. *Pushkin A.S. Collected works in 10 vols, vol. 7. The history of Pugachev. Historical articles and materials. Memoirs and diaries*. Moscow, 283–284. (in Russian)
9. Reshetnikov, F.M. (1904). *Complete Works: in 2 vols. Vol. 2*. St. Petersburg. 1056 p. (in Russian)
10. Reshetnikov, F.M. (1937). *Complete works in 6 vols. Vol. 3*. Sverdlovsk. 491 p. (in Russian)
11. Sozina, E.K. (ed.) (2020). Reshetnikov F.M. *History of literature of the Urals. XIX century: in 2 vols. Vol. 1*. Moscow, 846–921. (in Russian)
12. Romanovich, N.A. (2021). The attitude of Voronezh residents to the coronavirus and means of its prevention. *Economic and social problems of Russia*, 2 (46), 74–84. DOI 10.31249/espr/2021.02.04 (in Russian)
13. Sozina, E.K. (2011). About “bad writing” in literature (based on the work of F. Reshetnikov). *The phenomenon of creative failure*. Yekaterinburg, 324–345. (in Russian)
14. Sozina, E.K. (2021). Reshetnikov’s Relevance: The Writer’s Style in Contemporary Ural Literature. *Philological Class*, 4, 219–229. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-19 (in Russian)
15. Chaikina, T.V. (2011). *The genre of paintings and scenes in the work of A.N. Ostrovsky*. Ivanovo. 21 p. (in Russian)
16. Shelgunov, N. (1871). Folk realism in literature. *Delo*, 5, 1–45. (in Russian)

**Статья поступила в редакцию 23.08.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023;
принята к публикации 04.09.2023.**

**Received: Aug 23, 2023
Approved: Sept 01, 2023
Accepted: Sept 04, 2023**